

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение основная общеобразовательная школа с. Вадинск Вадинского района Пензенской области имени Станислава Степановича Лёвина

Исследовательская работа.

(секция литературоведения)

«Москва Марины Цветаевой».

Выполнила ученица 9 класса

Череменская Диана.

Руководитель:

учитель русского языка и литературы

Лябушева Л.А.

2020г

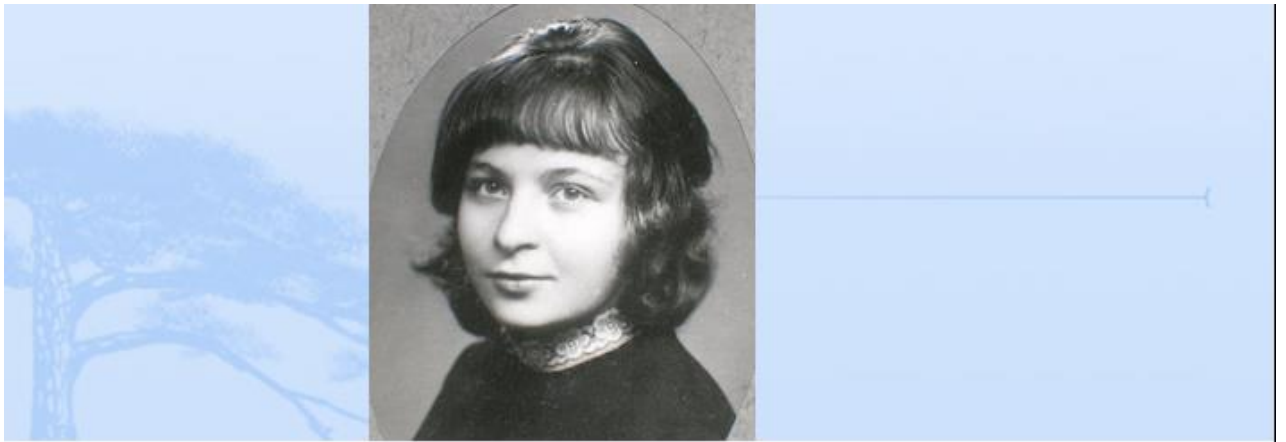
Цель работы:

1) Более глубоко изучить творчество Марины Цветаевой.

2) Исследовать, какую роль сыграл родной город Москва в жизни и творчестве поэтессы.

Содержание работы:

- 1. «У меня два права на Москву...».*
- 2. « Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови.».*
- 3. Москва для Марины Цветаевой - духовное наследство.*
- 4. Поэтесса гордилась тем, что родилась в Москве.*
- 5. «Голос» Москвы в стихотворениях Марины Цветаевой.*
- 6. Право поэтессы на родную Москву.*
- 7. Марина Цветаева и ее Москва-достояние нашей великой литературы!*

**Марина Ивановна Цветаева
1892 - 1941**

"...у меня два права на Москву: право Рождения и право Избрания. И в глубоком двойном смысле - я дала Москве то, что я в ней родилась"

*Родина не есть
условность территории,
а непреложность памяти и крови.
М. И. Цветаева*

Мы любим свою Родину. Любим ее бесконечные равнины, ее величавые леса, ее большие и малые реки, ее города и села. Каждый уголок, где бы он ни находился, нам близок и дорог. Родина воодушевляет, дает новые силы для больших дел, она всегда зовет, и к ней всегда вернешься.

То место на земле, где человек родился, жил, как бы приобретает одушевленность. Чем стала Москва для Марины Цветаевой, тот город, где она появилась на свет, где услышала первые звуки, где бродила по улицам и переулкам и мечтала? Этот город стал для нее живым существом, с которым поэтесса соединяла себя, свое сознание, свет и сумрак своей жизни.

В ходе исследовательской работы я пришла к выводу, что Москва для Марины Цветаевой – это не только Родина, но и духовное наследство, единство веры и истории, которое дано человеку на всю жизнь. Для поэтессы Москва – воплощение вечности, и она говорит об этом в стихах. Этот город никогда не перестанет быть центром России – матушки великой.

Облака – вокруг,
Купола – вокруг.

Надо всей Москвой-
Сколько хватит рук!-
Возношу тебя, бремя лучшее ,
Деревцо мое Невесомое!

Можно бродить по местам, связанным с цветаевской Москвой. Вообразить давно не существующую Собачью площадку в районе Арбата, Поварской, Большой и Малой Молчановок; представить себе церковь Бориса и Глеба — в тех же краях; Патриаршие пруды у Малой Бронной — они, к счастью, целы, так же как и Тверской бульвар. Надо только мысленно передвинуть в его начало памятник Пушкину, а на месте памятника вообразить здание Страстного монастыря — и мы увидим Москву детства Марины Цветаевой. Эта старая Москва начнется близ Патриарших прудов — в дугообразном Трехпрудном переулке, от дома № 8; он не уцелел, но его место установлено точно, и поэтому домыслить коричневатый одноэтажный деревянный дом несложно... Но эта Москва не будет Москвой Марины Цветаевой. Потому что свою Москву, живую, дышащую, чувствующую, — она сотворила сама. Свои отношения с нею, свой роман с нею (а все отношения Цветаевой — с человеком ли, с книгой ли, с городом ли — это всегда роман). Ибо зримый мир в жизни Цветаевой существовал постольку, поскольку был наполнен ее личностью.

*Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.*

*Клеймо позорит плечи,
За голенищем — нож.
Издалека- далече —
Ты все же позовешь.*

*На каторжные клейма,
На всякую болезнь —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.*

*А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце,
Червонное горит.*

*И льется аллилуйя
На смуглые поля.
— Я в грудь тебя целую,
Московская земля!*

Марина Цветаева очень гордилась тем, что родилась в этом великом городе. Гордилась великолепным звоном колоколов московских церквей, красивыми

соборами, Кремлем . Именно здесь она родилась 26 сентября (8 октября 1892 года в семье научно-художественной интеллигенции.

*Высыхали в небе изумрудном
Капли звезд, и пели пелухи,
Это было в доме старом , в доме чудном...
Чудный дом ,наш дивный дом в Трехпрудном,
Превратившийся теперь в стихи.*

В доме на Трехпрудном переулке царила теплая и уютная атмосфера , где зимними вечерами рождались первые стихи будущей поэтессы . Уже в 6 лет ее детское творчество звучало четверостишиями на русском , немецком и французском языках .

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.*

*Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.*

*Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.*

Рядом с домом Марины рос тополь, который остался перед глазами поэтессы на всю жизнь.

*Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера ,
Этот тополь среди акаций,
Цвета пепла и серебра...*

Иван Владимирович Цветаев, отец поэтессы, был профессором Московского университета на кафедре теории искусств и всемирной истории. Он был известным в Москве филологом и искусствоведом, занимал должность директора Румянцевского музея. В 1912 году Иван Владимирович открывает музей изящных искусств имени Александра 3. Сегодня это прекрасный музей имени Пушкина.

Будущая поэтесса совсем еще в юном возрасте посещала музыкальную школу. Любовь к музыке воспитывала в ней мама. Мария Александровна. Она была талантливая пианистка, обладала большими художественными способностями, любила искусство. И эту любовь она передала дочери. Марина обучалась в Московской гимназии. Кроме того, она посещала школу искусств.

В Москве родились дочери поэтессы Ариадна и Ирина. В первом стихотворении, обращенном к Але, Цветаева опишет красоту Москвы. Этот город становится для нее источником вдохновения.

*Ты постом – говей,
Не сурми бровей,
И все сорок- чти
Сороков церквей .
Исходи пешком -молодым шажком!-
Все привольное
Семихолмие.*

Стихи о Москве звучат торжественно и радостно. В них передается глубокая взволнованность поэтессы, созерцающей любимый город. В душе жила любовь, доходящая до восторга. Центром этого города является духовность, в которой жила народная вера.

В Москве Цветаевой выпало наблюдать страшную борьбу, разразившуюся в феврале 1917 года. Революцию она встретила с тревогой. В своих стихах, признавая вину царя, призывает к милосердию. Москва 1917 года стала для Цветаевой суровой и голодной. Она не могла дать уют поэтессе и ее маленьким дочкам. Но ее душу и взор, не взирая ни на что, неизменно радовали любимые уголки. Это «Дом Ростовых» на Поварской- желтый особняк нынешнего Союза писателей на улице Воровского. Она постоянно посещала всегда заполненный Большой зал Политехнического музея, «Кафе поэтов», «Книжную лавку», а еще Вахтанговскую студию в Мансуровском переулке.

Только в Москве она не чувствовала себя лишней, только там была свободной, и только в этом городе мечтала обрести покой.

*В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно,-
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!*

И Цветаева оставила нам не просто свою Москву, а саму себя в Москве, неотторжимую от нее, олицетворив себя — в городе, а город — в себе. Вот ее запись, сделанная в двадцатые годы:

«Я не люблю, когда в стихах описываются здания. На это есть архитектура. Бессмысленно повторять (давать вторично) — вещь, уже существующую. Описывать мост, на котором стоишь. Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою — отождествись или отождестви... Сказать (дать вещь) — меньше всего ее описывать.

Осина уже дана зрительно; дай ее внутренне, изнутри ствола: сердцевиною».

Изнутри, сердцевиною дала нам Марина Цветаева Москву. Дала не одну, а три. Три разных Москвы.

Сначала была Москва, родившаяся под пером юного, затем молодого поэта: подруга, спутница ребенка, с его маленькими и такими важными радостями и реже — печалью. Во главе всего и вся царил, конечно, отчий «волшебный» дом в Трехпрудном переулке:

*Высыхали в небе изумрудном
Капли звезд и пели пелухи.
Это было в доме старом, доме чудном...
Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном,
Превратившийся теперь в стихи.*

Таким он предстает в этом уцелевшем отрывке отроческого стихотворения.

Дом был одушевлен: его зала становилась участницей всех событий, встречала гостей; столовая, напротив, являла собою некое пространство для вынужденных четырехкратных равнодушных встреч с «домашними», — столовая осиротевшего дома, в котором уже не было матери, а постоянная занятость отца лишала обеденные и прочие ритуалы душевного общения. Мы не узнаем из стихов Цветаевой, как выглядела зала ила столовая, вообще сам дом, но мы знаем, что рядом с домом стоял тополь, который так и остался перед глазами поэтессы всю жизнь:

*Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций,
Цвета пепла и серебра...*

Небольшой дом в Трехпрудном был олицетворением цветаевской Москвы: на такие «домики старой Москвы», маленькие и беззащитные, надвигались новые доходные

дома — «вас заменили уроды, грузные, в шесть этажей», — и юная Цветаева, как и впоследствии всю жизнь, была на стороне «обиженных». «Трехпрудный» дом был в революцию снесен, и в этот переулочек Цветаева с тех пор больше никогда не пришла...

Была Тверская — «колыбель юности», и Тверской бульвар — магическая верста (слово «верста», как и само понятие, станет для поэтессы символичным). Верста эта вела к памятнику Пушкину — «чугунному правнуку Ибрагимову». Весной через открытое окно комнаты можно было слышать звуки шарманки, погрузиться об ушедшей зиме и растаявшем катке, с которым таяла, растворялась в небытии девичья романтическая мечта... Пасхальный московский день порождал в душе смутную грусть; это чувство юному поэту как бы передавал сам город, растревоженный весной. Они ведь были неразлучны: Москва и юная Цветаева. Правда, не все было лучезарно. Изредка приходилось навещать безрадостный дом в Старопименовском переулочке с его суровым хозяином — историком Д. Иловайским (отцом первой жены И. В. Цветаева). Эта мрачная «тюрьма» своим неразумным домостроевским режимом погубила две молодые жизни брата и сестры — детей Иловайского... Много лет спустя в очерке «Дом у Старого Пимена» Цветаева оживит эти трагические тени... Была еще тоска отрочества в «казенных» домах: интернате, куда Марина Цветаева поступила, будучи не в силах жить в осиротевшем доме после смерти матери; неизбывная скука ежегодно менявшихся частных гимназий, в которых девушке было томительно и бессмысленно. Но такой лик Москвы она не оставила нам ни в стихах, ни в прозе...

Девочка вырастала в девушку, затем — в молодую женщину, и по мере взросления «роман» поэтессы с городом приобретал все более лирические тона. Сияющий день 31 мая 1912 года, когда был открыт знаменитый Музей изящных искусств на Волхонке и заветная мечта И. В. Цветаева воплотилась наконец в его любимое детище, — этот день Москва подарила своему поэту, а поэт — нам, спустя двадцать лет («Открытие музея»). Колокольная столица, где так уютно дворянским желтым особнячкам, семихолмный город «сорока сороков» (то есть неисчислимого множества) золотых куполов все более завораживал своей прелестью — внешней и душевной, словно любимый человек.

Такому чувству, такому отношению нужен был непосредственный толчок, и он последовал. Зимой 1915/16 года Цветаева ненадолго приехала в Петроград (для нее — Петербург — город Анны Ахматовой и Александра Блока. И хотя она не встретила с ними, город на Неве был для нее освещен их именами. И если сам город, с его европейскими прямыми улицами и домами-дворцами, вероятно, не слишком впечатлил Цветаеву, еще в семнадцатилетнем возрасте повидавшую Париж, то она была очарована самим духом его, бессонными бдениями, наполненными чтением стихов, — так, во всяком случае, Цветаева, по своему мифотворческому сознанию, воспринимала северную столицу. Здесь царили блоковские метели, мгновенно кончающиеся зимние дни и длинные ночи, проходившие в бесконечном чтении стихов при свете люстр и блеске зеркал. Эта поездка вызвала в душе Цветаевой реакцию некой ревнивой потребности самоутверждения и даже противопоставления себя — поэта Москвы, себя — москвички и, наконец, самой Москвы — Петербургу и его поэтам. Ибо она и Москва были единым целым.

*Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола,
Пока они гремят из синева,
Неоспоримо первенство Москвы...*

В бессонной Москве романтичнее мечтается о петербургском «божестве» — Александре Блоке... Кто знает, были бы написаны в 1916 году стихи к Блоку, если бы Цветаева не съездила в его город... Петербургской строгости, сдержанности противопоставлена московская, понимаемая в широком смысле простота, даже простонародность, европейской воспитанности — российская удаль. К тому же 1916 году относятся стихи, в которых Цветаева делает героиней женщину лихую, грешную, бесшабашную, «Царь- Девуцу — беззаконницу». И в этом тоже ее своеобразный вызов, вызов Москвы — Петербургу, или — соревнование, но соревнование доброе. Впрочем, с Москвой не дано сравниться ни одному городу, ибо она — уникальная точка мира, «огромный странноприимный дом», куда все придут в конечном счете.

Если бы Цветаева могла хотя бы отдаленно предположить, сколь пророческими окажутся ее слова! Ведь Москва, в ее романтическом осмыслении была мировым городом, подобно поэту — гражданину вселенной, а говоря ее словами — «утысячеренному человеку». Рассуждая же с точки зрения судьбы: Цветаевой, после долгой разлуки, суждено было под конец жизни в Москву вернуться.

Часто поэтессе передавалась от города тревога: ведь уже два года шла война:

*Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!*

Но все-таки настроение было лучезарно-молодое, исполненное жизнелюбия и приятия мира:

*Бессонница меня толкнула в путь.
— О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! —
Сегодня ночью я целую в грудь —
Всю круглую воющую землю...*

Цветаевская Москва той поры была уютной и благостной, «дивным градом», приютом странников, что бредут по «всюду бегущим» российским дорогам...

Все изменилось в феврале — марте семнадцатого; в сердце поэтессы ее столица начала терять, и довольно стремительно, прежние свойства. Вместо мирных странников появилось в ней какое-то подозрительное, темное «подполье»: «старухи, воры», где, говоря словами Льва Толстого, «все переверотилось»... Светозарный и умиротворяющий, купавшийся в колокольном звоне, престольный город мрачнеет и немеет, впуская в себя грозные и неотвратимые события...

*Где спесь твоя, княгинюшка? — Румянец,
Красавица? — Разумница, — где речь? —*

обращается поэтесса к Москве, как к живому существу, как к женщине, занемогшей» мучающейся, вызывающей сострадание, и вместе с Москвой содрогается от «рокота гражданских бурь».

Что ты делаешь, голубка? — Плачу.

Где же спесь твоя, Москва? — Далече...

И «голос» Москвы изменился; «жидкий звон, постный звон» — вместо прежних колокольных разливов. И облик изменился: вместо «волшебного» дома — разоренное гнездо, «чердачный дворец», «дворцовый чердак» — только часть причудливой квартиры в Борисоглебском переулке, в доме, «в который не стучатся». А в утешение — два тополя напротив крыльца, воспетые и увековеченные: «Два дерева хотят друг к другу...»

Москва — окаменевшая и безучастная, ей не до чувств лирической героини с ее страстями, бушующими, словно волны, и неизменно разбивающимися о берег. Этот излюбленный цветаевский образ дан всего в двух строчках:

*О, вспененный высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской!*

Очень много стихов написано было в Москве первых лет революции: поэтесса продолжала жить, любить, негодовать, радоваться, страдать, надеяться... И разная была Москва — многоликая, изменчивая. Суровая и голодная, она не могла дать уют поэту и двум маленьким девочкам. О такой Москве Цветаева писала в дневниках и письмах. Это бывший дом графа Соллогуба, где Цветаевой суждено было несколько месяцев «служить», с розовыми колоннами, розовой залой и фигурами рыцарей при входе, именно он возвращал ее в любимую старую Москву. На улице же была явь Москвы реальной, которую сопровождали различные бытовые обстоятельства, незначительные, но тягостные, как, например, два пуда осклизлой мороженой картошки, которую предстояло на санках везти домой... А потом, после того, как уже бросила «службу», в той же романтической розовой зале Цветаева читала свою пьесу «Фортуна». В соллогубовском особняке помещался тогда Дворец Искусств, трибуна и пристанище многих писателей и художников.

Небольшая юмореска «Чудо с лошадьми» — дань благодарной памяти поэтессы Москве 20-х годов, которая великолепно умела веселиться и смеяться... Именно эта Москва вызвала к жизни в творчестве Цветаевой энергичные народные ноты. «Очередь — вот мой Кастаньский ток, — писала она. — Мастеровые, бабки, солдаты...» Эта народная «молвь» рассыпана в цветаевских стихах, звучит в большой поэме-сказке «Царь-Девушка», заполняет записные книжки.

В Москве Цветаевой всегда хорошо работалось; столица продолжала оставаться городом поэтов. В очерке «Герой труда» дана именно Москва поэтов — дореволюционная, камерная, с любительским, «домашним» конкурсом па лучшее стихотворение, и Москва революционная, с «Вечером поэтесс» в Большом зале Политехнического, заполненном многолюдной и разномастной толпой.

Летом 1921 года, узнав от И. Эренбурга, что ее муж, после разгрома белой армии, остался жив и собирается ехать из Константинополя в Прагу, Цветаева бесповоротно решила ехать к нему. И теперь, когда в цветаевских предотъездных стихах возникала Москва, она представляла все более хмурой, окаменевшей, застывшей. Это уже не «подруга» поэтессы, а страдающий, покрытый снегом город. Лирическая героиня отшатывается от Красной площади, которая погребла жертвы революции, — ведь Цветаева всегда на стороне поверженных, кто бы они ни были: «Прав, раз упал...»
Вот они тесной стальной когортой,
К самой кремлевской стене приперты,
В ряд Спят...

Но и такой город по-прежнему и неизменно любим, и тем больше любим, что предстоит разлука, и не любим за то, что в нем — «па кровушке па свежей — пляс да яства»:

Первородство — на сиротство!

Не спокоюсь.

Велико твое дородство:

Отрекаюсь.

Тем как вдаль гляжу на ближних —

Отрекаюсь.

Тем как твой топчу булыжник —

Отрекаюсь...

Но это — лишь заклинание; не может поэтесса отречься от Родины, от Москвы, любимой с детства. Большинство стихов последних месяцев перед отъездом — прощание с Отчизной, которая вот-вот превратится в заоблачную мечту... Стихотворный цикл «Сугробы» — это расставание...

В мае 1922 года Цветаева уехала; Москва осталась «за шпалами», далекая, невозможная, сновиденная. Уже пять месяцев Цветаева на чужбине; после семи недель в Берлине, с августа 1922 года, она с семьей живет в Чехии; уже много написано — творческая энергия не иссякает в ней. И внезапным приступом ностальгии вырывается стихотворение «В сиром воздухе загробном...», которое Цветаева не включила в свою книгу стихов, и оно осталось в ее тетради:

...Точно жизнь мою угнали

По стальной версте —

В сиром мороке — две дали...

(Поклонись Москве!)

Эти «поклоны» Москве были постоянны — теперь уже главным образом в прозе: «Герои труда», «Мать и музыка», очерки об отце и его музее, «Дом у Старого Пимена», «Повесть о Сонечке», «Мой Пушкин» — всего не счесть.

В июне 1939 года Марина Цветаева вернулась из Франции, где жила с ноября 1925

года, в Москву. И здесь началась самая драматическая и очень короткая часть «романа» поэта с городом.

Марине Ивановне оставалось жить всего два года и два месяца. Арест дочери в августе и мужа в октябре тридцать девятого, война, трагическая безысходность, которая привела Цветаеву к решению оборвать свою жизнь, — все это предстояло. Драматизм с самого начала заключался в том, что в Москве для Цветаевой не оказалось места. Столица ее отвергала, не впускала. «И кто она такая, чтобы передо мной гордиться?» — с грустным юмором обмолвилась Марина Ивановна в одном письме. Она в чужих квартирах, где временно приходилось снимать комнаты. О постоянном жительстве в столице не могло быть и речи: тогдашний секретарь Союза писателей А. Фадеев твердо написал Цветаевой в ответ на ее просьбу о жилище, что в Москве нет «ни метра». Так Цветаева встретила со своей третьей Москвой — с негостеприимной хозяйкой, выгонявшей из дома на улицу, из тепла и света — в темень и холод. Жизнь за городом, с бесконечными черными холодными ночами, повергала Цветаеву в ужас и депрессию; она, естественно, предпочитала стоившие немалых денег чужие московские углы, с неуютом и хаосом посторонних и собственных вещей. Москва, сегодня не принимавшая Марину Цветаеву, словно мстила за то, что она некогда покинула ее. Но поэтесса, при своем внутреннем одиночестве, стремилась к общению, и знакомые, преимущественно литературные (ведь приходилось зарабатывать на жизнь переводами), у нее были. С теми из них можно было побродить по Замоскворечью, Воробьевым горам, даже съездить за город. И конечно, она читала свои стихи, переписывала их и дарила. И ей становилось хорошо, но не надолго.

По-видимому, Марина Ивановна в разговорах затрагивала свою болезную тему: бездомность в родном городе, свое право на Москву. И быть может, задетая письмом, либо бестактно оброненными словами одной знакомой, она записала в тетрадь ответ ей. Вот отрывок:

«...Я ничем не посрамила линию своего отца. Он 30 лет управлял Музеем, в библиотеке которого — все мои книги.

Преемственность — налицо.

— «Отец, мать, дед»... «Мы Москву задали»... «Да Вы-то сами — что дали Москве?»

Начнем с общего. Человек, раз он родился, имеет право па каждую точку земного шара, ибо он родился не только в стране, городе, селе, но — в мире.

Или: ибо родившись в данной стране, городе, селе, он родился — по распространению — в мире.

Если же человек, родясь, не имеет права на каждую точку земного шара — то на какую же единственную точку земного шара он имеет право? На ту, на которой он родился. На свою родину.

Итак я, в порядке каждого уроженца Москвы, имею на нее право, потому что я в ней родилась.

Что можно дать городу, кроме здания — и поэмы? Перейдем к частному.

Что «я-то сама» дала Москве?

«Стихи о Москве» — «Москва, какой огромный странноприимный дом»... «У меня в Москве — купола горят»... «Купола — вокруг, облака — вокруг»... «Семь холмов — как семь колоколов»... — много еще! — не помню, и помнить — не мне.

Но даже — не напиши я Стихи о Москве — я имею на нее право в порядке русского поэта, в ней жившего и работавшего, книги которого в ее лучшей библиотеке.

(Книжки нужны? а поэт — нет?!)

Я ведь не на одноименную мне станцию метро и не на памятную доску (на доме, который снесен) претендую, — на письменный стол белого дерева, под которым пол, над которым потолок и вокруг которого четыре стены.

Итак, у меня два права на Москву: право рождения и право избрания. И в глубоком двойном смысле —

Я дала Москве то, что я в ней родилась.

Это моя душа, это моя Москва.

Значит, все дело в Москве — мировом городе, моем городе, страдающем, плачущем, но близком сердцу моему.

— Право уроженца — право русского поэта — право вообще — поэта...

Я — вселенной гость,

Мне — повсюду пир,

И мне дан в удел —

Весь подлунный мир!

И не только подлунный!»

Так Марина Цветаева, всегда утверждавшая, что «рожденное состояние поэта — защита», защитила — не только себя, но Поэта и Поэзию от прижизненного и посмертного небрежения.

...А дальше началась война, бомбежки, паника, эвакуация из Москвы, ставшая для Цветаевой роковой...

Но Поэзия не умирает. Марина Цветаева и ее Москва — достояние нашей великой литературы.

*Моим стихам,
Написанным так рано,
Что и не знала я ,что я -поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и филлиам,
Моим стихам о юности и смерти,
- нечитанным стихам!-
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам,как драгоценным винам,
Настанет свой черед.!*

Прошло время, поэзия Марины Цветаевой стала всеобщим достоянием. Всему, что она написала, «настал черед», потому что настоящее в искусстве не умирает. А родная Москва воплотила в жизнь труды поэтессы, ведь любовь к родному городу - самое дорогое, что носила в своем сердце эта мужественная женщина с нелегкой судьбой.

Список использованной литературы:

1. М. И. Цветаева Стихотворения. Поэма. Драматургия. Эссе. - М., 2008 год.
2. Ю. М. Каган Марина Цветаева в Москве.- М., 1992 г.
3. В. Лосская Марина Цветаева в жизни.- М., 1992 г.
4. Интернет-ресурсы